

Б.В. Титлинов

**Духовная школа в России в XIX столетии. К
столетию духовно-учебной реформы 1808-го
года. Выпуск II. (Протасовская эпоха и
реформы 60-х годов). Часть I. Титлинов Б.В.
Вильна, 1909**

**Выпуск II. (Протасовская эпоха и реформы 60-х
годов). Часть I.**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б.В. Титлинов**
Духовная школа в России в XIX столетии. К столетию духовно-учебной реформы 1808-го года. Выпуск II. (Протасовская эпоха и реформы 60-х годов). Часть I. Титлинов Б.В. Вильна, 1909: Выпуск II. (Протасовская эпоха и реформы 60-х годов). Часть I. / Б.В. Титлинов – М.: Книга по Требованию, 2022. – 199 с.

ISBN 978-5-458-32891-3

ISBN 978-5-458-32891-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Протасовскія преобразованія въ духовно - учебныхъ заведеніяхъ.

Эпоха со второй половины 30-хъ годовъ до второй половины годовъ 50-хъ XIX вѣка въ области церковнаго управления справедливо носить название Протасовской эпохи. Тогдашній оберъ-прокуроръ гр. Протасовъ давалъ направление всѣмъ церковнымъ дѣламъ и распоряжался въ Синодѣ, какъ въ своей собственной канцеляріи. Духовные члены Синода принуждены были покорно исполнять желанія оберъ-прокурора и въ своихъ решеніяхъ руководиться не своими, а оберъ-прокурорскими взглядами. Обезличеніе власти іерархической предъ властью оберъ-прокурорской было тогда такъ велико, что современники сравнивали положеніе Синода съ положеніемъ осажденныхъ непріятелемъ и втихомолку говорили о „страданіяхъ церкви“, какъ въ худшія времена XVIII вѣка ¹⁾.

Отличительную черту Протасовскаго времени и Протасовской системы составляетъ между прочимъ то обстоятельство, что управление церковными дѣлами сосредоточивалось въ рукахъ людей, весьма мало компетентныхъ въ этой области. Самъ сдѣлавши свою карьеру главнымъ образомъ благодаря родственнымъ связямъ и искусству отличного танцора ²⁾ и будучи призванъ къ оберъ-прокурорскому посту почти прямо отъ занятій гусарского полковника, по случайному недоразу-

¹⁾ Характеристику оберъ-прокурорства гр. Протасова можно читать у В. Ф. Благовидова. „Оберъ-Прокуроры Св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX стол.“ О протасовскомъ всевластіи и его некорректномъ властичомъ обращеніи съ свѣдѣнскими членами см. Приб. къ Тв. Св. О. 1883 г. кн. I. стр. 239, 255 (письма преосв. Филарета чернаг. къ А. В. Горскому), Истор. Вѣсти. 1882 г. ноябрь, стр. 398—408 (ст. И. С. Лѣскова „Свидѣльщики персонъ“), Русск. Стар. 1885 г., окт., дек. (статья „Филаретъ Прозоровъ, м. московскій“), у Чистопища, „Руководящіе дѣятели дух. просв.“, прибавленій.

²⁾ Ист. Вѣсти. 1882 г. № 11, стр. 382.

мѣнию, гр. Протасовъ не умѣлъ, а быть можетъ и не могъ избрать себѣ такихъ помощниковъ, которые могли бы дѣйствительнымъ опытомъ и знаніями восполнить недостатокъ компетентности въ дѣлахъ церкви самого оберъ-прокурора. Онъ окружилъ себя сотрудниками или изъ свѣтскихъ чиновниковъ, знанія которыхъ не простирались далѣе канцелярскаго дѣло-производства, или изъ такихъ духовныхъ лицъ, которыя не имѣли ровно никакихъ данныхъ для успѣшиаго выполненія возлагавшихся на нихъ важныхъ порученій. Такъ, правою рукой графа по Духовно-Учебному Управлению былъ директоръ этого учрежденія А. И. Карасевскій, человѣкъ безъ всякихъ педагогическихъ и ученыхъ заслугъ и знавшій учебное дѣло только по канцелярскимъ бумагамъ. По синодальной канцеляріи помощникомъ графа былъ А. И. Войцеховичъ, а по канцеляріи оберъ-прокурорской—К. С. Сербиковичъ. Оба эти лица были типичными чиновниками—карьеристами, всю жизнь проведшими въ канцеляріяхъ, и не отличались никакими талантами¹); а между тѣмъ они ворочали всѣми синодскими дѣлами. Изъ духовныхъ лицъ гр. Протасовъ любилъ прибѣгать, по вопросамъ преимущественно учебнымъ, къ разнымъ архимандритамъ, избѣгая высшей іерархіи. Но эти совѣтники были или чисто случайные или совершиенно неудачные. Такъ, напримѣръ, главнымъ совѣтникомъ графа по учебнымъ преобразованіямъ 40-хъ гг. былъ архим. Аѳанасій Дроздовъ, сдѣланый ректоромъ сиб. академіи, но, по разсказамъ сослуживцевъ, не могшій не только читать лекцій, а даже и написать прошовѣди²).

Всевластіе оберъ-прокурора съ одной стороны, и недостаточная освѣдомленность его въ церковныхъ дѣлахъ, при неудачномъ выборѣ помощниковъ, съ другой стороны, дѣлали протасовскую эпоху самыи неблагопріятныи временемъ для какой бы то ни было созидательной работы въ духовной сфере. Все, что могло выйти изъ рукъ дѣятелей протасовской формациіи, необходимо должно было отразить па себѣ всѣ дефекты духовно-правительственной системы. Поэтому для блага церковнаго было бы самое лучшее, если бы оберъ-прокурорство гр. Протасова не задавалось никакими новыми планами и проектами, а ограничило бы одной охранительной ролью по

¹) См. обѣихъ у Чистовича, Рук. дѣятелей, прибавл. I.

²) Приб. къ Тв. Св. О. 1884 г. IV, ст. 344.

отношению къ старымъ традиціямъ, за исключенiemъ развѣ лишь области экономической, которая была болѣе или менѣе доступна компетенціи оберъ-прокурора. Но гр. Протасовъ отнюдь не склоненъ былъ къ бездѣятельной роли въ синодальномъ управлениі. Протасовская эпоха — эпоха преобразованій въ одной изъ важнѣйшихъ отраслей церковной жизни — въ области духовнаго образованія. Съ именемъ гр. Протасова связывается цѣлой періодъ жизни нашей духовной школы, и періодъ, весьма недоброї памяти. Постѣднее вполнѣ естественно, разъ преобразовательная миссія выпала на долю людей, для такой миссіи не пригодныхъ. Протасовскія реформы — одна изъ поучительнейшихъ страницъ исторіи нашей духовной школы, наглядно доказывающихъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводить въ школьномъ дѣлѣ господство личныхъ взглядовъ и случайныхъ вліяній, лишенныхъ разумной системы и обоснованныхъ принциповъ.

Когда гр. Протасовъ вступилъ въ управлениe духовнымъ вѣдомствомъ, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ дѣйствовали уставы 1814 года, созданные въ лучшую пору Александровскаго царствованія. По этимъ уставамъ духовное образование носило классической характеръ, заимствованный, отчасти съ запада, отчасти отъ старыхъ школьніхъ традицій XVIII вѣка, когда духовная наука не знала другого языка, кромѣ латинскаго. Классическіе языки, по уставамъ 1814 года, занимали въ духовно-школьномъ курсѣ доминирующее мѣсто. Въ курсѣ уѣзжихъ училищъ на латинской и греческой языкахъ назначалось 36 часовъ, въ курсѣ семинарскомъ на греческой языке полагалось то-же 36 часовъ, а языкъ латинский былъ языкомъ преподаванія; въ академіяхъ на греческой языке назначалось 16 часовъ, а латынь была такъ же языкомъ преподаванія, какъ и въ семинаріяхъ. Ни одинъ предметъ духовно-школьного курса, даже все богословіе вмѣстѣ взятое, не имѣлъ тогда столько учебнаго времени, какъ древніе языки. Но ставя классицизмъ во главу образованія и принимая, стало-быть, и всѣ принципіальные недостатки классицизма, уставы 1814 года, надо отдать имъ справедливость, организовали духовное образование весьма умѣло и разумно. Они не наполнили учебныхъ курсовъ массой предметовъ, а вводили сравнительно немногія, но строго выбраныя и согласованыя съ общую цѣлью школы науки. Катехизисъ, св. исторія, церковный уставъ, ариометрика, географія и языки русскій, латинскій и греческій составили

все содержаніе курса уѣздиыхъ училищъ. Словесность, гражданская исторія, философія, математика, богословіе, церковная исторія и языки греческій, еврейскій и новые составляли весь курсъ семинарій, при чемъ шли, не смѣшиваясь другъ съ другомъ, не раздѣляясь на части, а въ естественной комбинаціи и послѣдовательности. Каждое семинарское двухгодичное отдѣленіе заключало въ себѣ одинъ предметъ главный и одинъ вспомогательный, и только языки, по самому характеру ихъ изученія, проходили по всему курсу. Отсутствіе многопредметности, стройность и систематичность, составляли отличительную черту и академического образованія, которое только философію, словесность и богословіе, съ присоединеніемъ греческаго, еврейскаго и одного изъ новыхъ языковъ дѣлало общеобязательными предметами, а исторію и математику отдавало на выборъ студентовъ. Стойная система и разумное распределеніе наукъ придавали духовному образованію того времени замѣчательную цѣлостность, которая вполнѣ могла искупить недостатки самого классического принципа.

Къ несчастью для духовной школы, гр. Протасовъ явился къ оберъ-прокурорскому посту съ своими собственными взглядами на духовное образованіе, которые были совершенно противоположны старымъ школьнымъ традиціямъ. Вместо прежняго классического характера, имѣющаго въ виду преимущественно общее формальное развитіе учащихся, гр. Протасовъ хотѣлъ придать курсу духовныхъ школъ характеръ реальный, предѣдующій главнымъ образомъ утилитарный цѣли. И этотъ принципъ, конечно, имѣетъ за себя весьма серьезные доводы. Въ наше время, напримѣръ, можно считать, что споръ классицизма съ реализмомъ решенъ въ пользу послѣдняго. Но реальный принципъ можетъ привести свои благіе плоды, какъ и всякий другой принципъ, только тогда, когда онъ будетъ проведенъ разумно и послѣдовательно, когда онъ проникаетъ весь строй образованія, что мы видимъ, напримѣръ, въ современныхъ реальныхъ школахъ. Когда же этого неѣтъ, то получаются лишь весьма вредные для школы эксперименты. Такимъ именемъ экспериментомъ являются Протасовскія духовно-школьные реформы.

Преобразованіе семинарскаго курса.

Основывши взглядомъ гр. Протасова на духовное образованіе былъ тотъ взглядъ, что образованіе это надобно возможно

болѣе приспособить къ потребностямъ сельскаго быта, такъ какъ изъ духовныхъ училищъ выходитъ главнымъ образомъ сельское духовенство. При этомъ потребности сельскаго быта графъ понималъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Священникъ, по его мнѣнію, во-первыхъ, долженъ быть пастыремъ духовнымъ, близкимъ къ народу и понятнымъ для него; но, во-вторыхъ, онъ долженъ быть и наставникомъ поселянина въ его дѣлахъ житейскихъ, быть врачемъ, образцовымъ хозяиномъ-агрономомъ¹). Откуда графъ проникся подобными взглядами — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ его вдохновило не изученіе вопроса въ его исторіи или иностраннѣхъ образцахъ, потому что никогда и нигдѣ еще не замышляли въ одномъ лишь соединить столько разнообразныхъ профессій. Надо полагать, дѣло просто объяснялось тѣмъ, что графъ не отдавалъ себѣ и самъ отчета въ своихъ взглядахъ, а лишь съ военной безаппеляціонностью рѣшилъ, что хорошо бы было „приспособить“ духовенство къ исполненію обязанностей врача и агронома, и, не задумываясь, принялъ „приспособлять“. По крайней мѣрѣ иного объясненія невозможno дать протасовскимъ преобразованіямъ, непродуманность которыхъ бросается въ глаза съ первого взгляда. Впрочемъ, что касается самыхъ пожеланій графа, то въ нихъ не заключалось ничего худого. Конечно, хорошо бы было, если бы священникъ могъ быть врачемъ и агрономомъ, какъ хорошо бы было, если бы каждый человѣкъ былъ специалистъ во всѣхъ профессіяхъ. Этого „хорошо бы“ никто и никогда не отрицалъ. Но всегда только, кроме протасовской эпохи, такое соединеніе находили невозможнымъ и не приносили ничего, кроме вреда, такъ какъ священникъ врачъ и агрономъ будетъ плохимъ и пастыремъ, и врачъ и агрономомъ. Графъ Протасовъ захотѣлъ сдѣлать невозможное возможнымъ, и послѣдствія получились тѣ, какихъ и слѣдовало ожидать.

На первыхъ порахъ дѣятельности графа въ роли оберъ-прокурора ему довольно трудно было проводить свои взгляды на духовное образованіе. Во главѣ духовно-учебнаго вѣдомства тогда стояла Комиссія Дух. Училищъ, независимая отъ оберъ-прокурора, члены которой совершили не раздѣляли

¹) Эти свои мысли графъ неоднократно высказывалъ и въ своихъ все-подданническихъ отчетахъ; напр., Извлеч. изъ отч. оберъ-прок. за 1839 г. стр. 66 въ 1851 г. стр. 104—105.

протасовскихъ воззрѣній. Церковные іерархи, засѣдавшіе въ комиссіи, видѣвшими изъ которыхъ были митрополиты Филаретъ московскій, Филаретъ кіевскій и Серафимъ с.-петербургскій, отлично понимали, что проведеніе тѣхъ утилитарныхъ цѣлей, какими задавался Протасовъ, или безполезно, или вредно. Въ дѣлѣ подготовленія пастырей, по ихъ мнѣнію, духовная школа достаточно исполняла свое назначеніе; готовить же врачей и агрономовъ вмѣстѣ съ пастырями невозможно. Впрочемъ, спачала Комиссія Дух. Училищъ сдѣлала уступку первому оберъ-прокурору. Она исполнила пѣкоторыя его пожеланія, поскольку они касались приспособленія духовнаго образованія къ потребностямъ чисто пастырскимъ. Имено, гр. Протасовъ полагалъ, что семинарская наука слишкомъ отвлечена, схоластична и превыспрения, отчего священники говорятъ языкомъ, непонятнымъ для народа, что въ богословскихъ наукахъ неѣтъ одной простой руководящей нити, что семинаристы мало знаютъ церковное преданіе, лежащее въ основѣ церковной практики, и даже самую эту практику. Комиссія Д. У. рѣшилась удовлетворить этимъ требованиямъ графа. Въ юнѣ 1838 года она издала постановленіе, которымъ рекомендовалось преподаваніе семинарскихъ наукъ вести возможно понятно и доступно, освобождая отъ схоластическихъ формъ, въ основу богословского учепія указывалось положить одну книгу — Православное Исповѣданіе Петра Могилы, усиливалось преподаваніе „церковныхъ древностей“, — науки, знакомящей съ богослужебными формами и обрядами, — и вводилась новая наука о церковномъ преданіи — „Историческое учепіе объ отцахъ церкви“. Но когда гр. Протасовъ выступилъ съ своими планами по приспособленію духовнаго образованія къ материальнымъ потребностямъ сельскаго быта и захотѣлъ ввести въ семинарскій курсъ медицину и сельское хозяйство, то члены Комиссіи Д. У. отнеслись къ этому явно недоброжелательно. Оберъ-прокуроръ скоро понялъ, что ему едва-ли удастся привести свои взгляды чрезъ Комиссию и привлечь на свою сторону ея членовъ. Тогда онъ рѣшился вести дѣло и помимо Комиссіи и помимо церковныхъ іерарховъ, при чемъ упразднилъ и самую Комиссію, замѣнивъ ее подчиненнымъ себѣ Духовно-Учебнымъ Управлѣніемъ.

Самые пріемы разработки задуманной Протасовымъ реформы уже предвѣщали мало хорошаго. Въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ преобразованіе учебнаго дѣла, требующемъ

и специальныхъ знаній и опыта, оберъ-прокуроръ обратился не къ выдающимся іерархамъ, изъ которыхъ, напр., м. Филаретъ былъ участникомъ реформы 1808 г., не къ корпораціямъ учебныхъ заведеній и известнымъ ученымъ, а къ людямъ, совершенно случайнымъ. Въ 1837 году образованный при спб. академіи комитетъ для пересмотра учебниковъ потребовалъ между прочимъ отъ ректоровъ академій и семинарій конспекты богословскихъ наукъ. Изъ представленныхъ конспектовъ графу почему-то понравился особенно конспектъ ректора вятской семинаріи архим. Никодима (Казаницева, магистра моск. акад. 1830 г.). Оберъ-прокуроръ рѣшилъ, что Никодимъ можетъ быть осуществителемъ его плановъ, и вызвалъ его въ Петербургъ, где и поручилъ ему составить новый уставъ для семинарій въ своемъ духѣ¹⁾. „Вы учились не столько для себя, сколько для настъ, — развиваятъ графъ Никодиму свою точку зреінія, — вы наши учители въ вѣрѣ. Но мы васъ не понимаемъ. Ваша богословія очень высокія. Ваши проповѣди высоки. У васъ иѣть народнаго языка. Вы чуждаетесь церковности. Практическое богослуженіе вамъ неизвѣстно. Вы почитаете низкимъ для себя знать и изучить его... Не умеете ни иѣть, ни читать, не знаете церковнаго устава. Въ вашихъ школахъ иѣть специальности. Вы хотите бытъ и почитаться универсально учеными. Это ошибка. У настъ всякой знаеть маришъ и ружье; морякъ умѣеть назвать постѣдній гвоздь корабля, знаетъ его мѣсто и силу. А вы, духовные, не знаете вашихъ духовныхъ вещей!“²⁾. Очевидно, графъ хотѣть впушить Никодиму, что задача духовной школы — не образовать умственное и духовно будущихъ настырей, а просто пріучить къ требоисправленію. Онъ впушалъ ему также и тотъ свой взглядъ, что будущихъ священниковъ надо научить лѣчить пародъ и образцово хранить въ деревнѣ. Но оберъ-прокуроръ, какъ оказалось, ошибся въ своемъ выборѣ. Архим. Никодимъ, хотя и не отличался особыми дарованиями, однако отлично сознавалъ, что планы графа есть дѣло личной прихоти, а не результатъ разумнаго принципа, и что дать имъ надлежащее примѣненіе невозможно. Получивъ графскія директивы объ измѣненіи семинарскаго

¹⁾ Арх. Никодимъ въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ Чт. о. ист. и др. рос. 1877 г. кв. II, самъ разсказываетъ о своихъ работахъ по порученію графа.

²⁾ Чт. о. и др. 1877 г. кв. II, стр. 38.

курса, объ упрощеніи существующихъ наукъ, ограниченіи философскаго образованія и введеніи новыхъ утилitarныхъ предметовъ, Никодимъ пробовалъ было разубѣдить графа. Онъ защищалъ старые порядки, указывая на прочность и цѣнность существующихъ наукъ. Онъ говорилъ, что предлагаемыя графомъ преобразованія ведутъ лишь къ умаленію и обезсиленію духовнаго просвѣщенія, что новые науки—сельское хозяйство и медицина, хотя и полезны, по онѣ стѣсняютъ другія науки, отъ чего произойдетъ потеря, а не приобрѣтеніе ¹⁾). Особенно защищалъ Никодимъ философию, обреченнную графомъ почти на полное изгнаніе. Она пужна, говорилъ онъ, для раскрытия и укрѣпленія строгости и правильности мышленія, для ознакомленія съ истинами естественными, умозрительными и нравственными ²⁾). Но оберъ-прокуроръ ничего не хотѣлъ слышать и заставилъ своего невольнаго сотрудника сочинять уставъ согласно даннымъ директивамъ.

Однако архим. Никодимъ не захотѣлъ быть „орудіемъ разстройства духовной части“, какъ говорилъ онъ. Обязанный волею-неволею взяться за работу, отъ которой онъ отрицался всѣми силами, Никодимъ оставилъ къ сторонѣ вопросъ о учебномъ курсѣ семинарій и сталъ писать только объ учебныхъ порядкахъ, о части административной, нравственной, экономической. Начавъ свою работу въ срединѣ июля 1838 года, къ сентябрю Никодимъ ее уже окончилъ ³⁾). При этомъ, въ своемъ проектѣ устава Никодимъ высказалъ не мало весьма здравыхъ соображеній. Такъ, онъ проектировалъ образовать ученый совѣтъ изъ наставниковъ при ректорѣ, очевидно, по образцу совѣта гимназического, предлагалъ особое приготовленіе наставниковъ, хотѣлъ сдѣлать семинарскіе и училищные классы одногодичными, семинарскій курсъ хотѣлъ превратить въ семилѣтній, а училищный въ пятилѣтній ⁴⁾). Но все это было не то, что было нужно оберъ-прокурору. Поэтому уставъ Никодима не встрѣтилъ поддержки его патрона. Графу Протасову, разочаровавшемуся въ Никодимѣ, приходилось искать

¹⁾ Ibid. стр. 39.

²⁾ Ibid. стр. 41.

³⁾ Ibid. стр. 41.

⁴⁾ Самый уставъ, составленный Никодимомъ, къ сожалѣнію, мы не могли найти въ сводальномъ архивѣ. Поэтому объ немъ приходится судить лишь по словамъ Никодима въ его запискахъ (стр. 42).

новыхъ сотрудниковъ. Прежде всего дѣло изъ рукъ Никодима было передано въ руки свѣтскихъ чиновниковъ. Въ декабрѣ 1838 года было образовано особое совѣщеніе для разсмотрѣнія и усовершенствованія вновь составленныхъ проектовъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Въ составъ совѣщенія были назначены с. с. Новосильскій (чиновникъ Министер. Нар. Пр.) и колл. сов. Карасевскій, Сербиновичъ и Войцеховичъ. Въ случаѣ пужды къ совѣщанію присоединялся и архим. Никодимъ, а также предоставлялось для объясненій приглашать ректоровъ сиб. академіи—арх. Николая и семинаріи—архим. Алоаасія. Въ декабрѣ 1838 г. и январѣ и февралѣ 1839 года совѣщаніе имѣло свои засѣданія¹⁾). Но тутъ церковные іерархи пошли на уступки и взяли, наконецъ, дѣло въ свои руки.

Когда гр. Протасовъ сталъ разрабатывать планъ учебнаго преобразованія помимо Синода и Комиссіи Д. Учил., то знавшіе объ этомъ дѣлѣ архіереи не могли не отнести къ этой затѣѣ отрицательно. Митр. моск. Филаретъ, узнавшій отъ Никодима о данномъ ему порученіи, едва сдерживалъ гнѣвъ и досаду²⁾). Впрочемъ, пока была въ силѣ Комиссія, можно было надѣяться остановить преобразовательную ревность оберъ-прокурора. Съ уничтоженіемъ Комиссіи 1-го марта 1839 года³⁾ оберъ-прокуроръ фактически стать полнымъ хозяиномъ въ духовно-учебныхъ дѣлахъ и надежда противопоставить ему вліяніе Комиссіи отпадала. Тогда люди, стоявшіе во главѣ іерархіи, поняли, что бороться напрасно и что долгимъ противодѣйствіемъ можно скорѣе повредить дѣлу, разъ судьба школы будетъ вершиться самимъ оберъ-прокуроромъ съ его случайными сотрудниками. Подъ вліяніемъ такихъ соображеній высшая іерархія, скрѣпя сердце, согласилась осуществить желанія графа и ввести въ семинарскій курсъ предлагаемыя нововведенія; но въ то-же время она желала сдѣлать это по возможности безъ уничтоженія старыхъ учебныхъ предметовъ, настоятельно необходимыхъ для духовнаго образованія. И вотъ въ результатѣ явился тотъ компромиссъ, какой представляетъ собою реформа 1840 года. Что это былъ компромиссъ, и не добровольный, а вынужденный, въ томъ неѣтъ никакого сомнѣ-

¹⁾ Дѣло Капц. Об.-прок. 2-го ст. 1-го отд., 1839 г., № 19/2333.

²⁾ Чрезъ о. и др., 77 г., II, стр. 42.

³⁾ При члены Синода узнали объ этомъ важномъ актѣ лишь при прочтении указа.

нія. Когда архим. Никодимъ, въ моментъ разработки преобразованія въ Синодѣ, жаловался митр. Филарету на то, что у семинаріи отнимаютъ философию и сокращаютъ другія высокія науки, навязывая безполезныя вродѣ сельскаго хозяйства и медицины, то Филаретъ говорилъ: „Что-же дѣлать, надобно уступить что нибудь и имъ: иначе все отнимутъ“¹⁾, или, какъ сказатъ онъ другой разъ, „отъ нетерпѣливости все перепортятъ“²⁾). А насколько симпатизировала церковная власть тому, что ее заставляли дѣлать, можно судить по словамъ того-же м. Филарета, который, своими руками сочиняя проектъ преобразованія, говорилъ: „все только портятъ, а не усовершаютъ“²⁾.

Послѣ упраздненія Комиссіи Д. У. Св. Синоду пришлось разматривать проектъ введенія въ семинарскій курсъ медицины и сельскаго хозяйства, внесенный оберъ-прокуроромъ еще въ Комиссію. Въ Синодѣ же поступилъ и проектъ архим. Никодима. Годъ прошелъ въ собираніи разныхъ справокъ и материаловъ по проектируемымъ нововведеніямъ. Между прочимъ были затребованы мнѣнія медицинскаго совѣта при мин. внутр. дѣлъ по вопросу о введеніи медицины въ семинарскій курсъ и учепаго комитета при мин. госуд. имуществъ относительно программы сельскаго хозяйства. Любопытно отметить, что медицинскій совѣтъ сразу же высказался, что основательного медицинскаго образования семинаристамъ дать невозможно, а только развѣ лишь можно сообщить иѣкоторыя общія свѣдѣнія; тѣмъ не менѣе медицинскому совѣту пришлось составлять программу преподаванія медицины въ семинарияхъ. Ученый комитетъ, которому было предложено составить программу сельскаго хозяйства, тоже не высказалъ особаго одобренія Протасовскому замыслу. Одинъ изъ членовъ комитета, князь Одоевскій, энергично доказывалъ, что для того чтобы была польза отъ преподаванія сельскаго хозяйства, надо преподавать предварительныя минералогическія, ботаническія, метеорологическія и зоологическія свѣдѣнія ученикамъ духовныхъ училищъ, начиная со второго года приходскаго училища и кончая послѣднимъ годомъ семинаріи. Впрочемъ, ученый комитетъ не принялъ мнѣнія своего сочлена и нашелъ возможнымъ ввести изученіе сельскаго хозяйства въ болѣе уз-

¹⁾ Ч. о. в. и др., 77, II, стр. 49.

²⁾ Ibid. стр. 55.